

Д. А. Сафонов**«Голодные бунты» 1916 года как признак национального кризиса:
«оренбургское» прочтение**

В традиционной отечественной историографии события, называемые «голодными бунтами» 1916 года, принято считать формой протеста, свидетельством кризиса власти и роста революционизирования масс. Подобные события в Оренбургской губернии традиционно рассматривались в том же ключе. Обратившись к первичным источникам, автор ставит под сомнение традиционные оценки, делая вывод, что в основе происшедшего был не столько социальный протест, сколько падение правопорядка и уважения к власти, что во многом обусловило ожесточенность гражданской войны в крае.

Ключевые слова: социальный протест, первичные источники, власть, правопорядок.

В советской историографии события 1916 года (иногда рассматривался и больший период — конец 1915 — февраль 1917 г.), а именно беспорядки на улицах городов России, вызванные углублением продовольственных трудностей, было принято считать важным доказательством углубления общегосударственного кризиса, свидетельством назревания предпосылок революции, революционизирования масс. Отсюда «голодные бунты» занимали важное место в заданной логической схеме: неспособность властей контролировать ситуацию (кризис власти) → проблемы со снабжением (кризис продовольственный) → рост недовольства масс → революционизирование масс → неизбежность революции. В постсоветский период многие советские идеологемы подверглись пересмотру как в оценках, так и в источниковой базе (поскольку хорошо известно, что источники нередко использовались выборочно, под заданный вывод).

Определенным рубежом, ознаменовавшим замену идеологического посыла научным поиском, стала статья Ю. В. Кирьянова [9], автор которой считал выступления 1916 года прежде всего формой (так называемой нестачечной и недемонстрационной) рабочего движения (или выступлений с участием рабочих); «стихийной формой социального протеста и борьбы, обусловленной сильным раздражением прежде всего продовольственным положением и сознанием невозможности его нормализовать» [9, с. 3]. В частности, он упоминает о традиционном определении таких событий, как «голодные бунты», «бабьи бунты», «погромы» и т.д. Им были проанализированы и сведены в таблицы данные из фондов Департамента полиции МВД (ГАРФ) и Министерства юстиции (РГИА), в том числе по Оренбуржью. В итоге Ю. В. Кирьянов полагал происшедшее в разных городах империи явлениями одного порядка, с общими причинами и последствиями, схожими характерными чертами.

В оценке выступлений автор все же оставался в русле традиционных взглядов: «Выступления возникали на сугубо экономической почве, но со временем начинали отражать и происшедшие в связи с углублением кризиса изменения в социальной психологии и сознании масс... Эти выступления, несмотря на специфические черты, были формой протеста и борьбы, своеобразно отражавшей в широком смысле остроту социальной напряженности, наличие взрывоопасной ситуации вследствие охвативших страну продовольственного, хозяйственного, а также административного, правительственного кризиса... Выступления рабочих на почве отсутствия или дороговизны предметов первой необходимости наряду со стачками, демонстрациями, митингами, выступлениями тыловых солдат подвели рабочих к взрыву недовольства в феврале 1917 г., к революции» [9, с. 15].

© Сафонов Д. А., 2014

Выводы Ю. В. Кирьянова используются и сегодня, но по сути остались прежними и оценки происшедшего. Более того, в определенном смысле произошел дальнейший откат к позициям историографии советской: например, в 2007 г. С. А. Нефедов на региональном научном семинаре в г. Екатеринбурге высказался об этих событиях, убрав кавычки, — т.е. исчезло традиционное наименование данных волнений и они стали действительно голодными бунтами: «Голод должен был неизбежно породить волну стихийных восстаний и бунтов... Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины» [11].

В региональной историографии на определенном этапе естественно доминировали те же позиции, что и в союзной. Авторы «Очерков истории Оренбургской областной организации КПСС» упоминали о продовольственных волнениях в Оренбургской губернии весной 1916 г. и трактовали эти события исключительно как проявление революционных настроений трудящихся [16].

В дальнейшем эти оренбургские события затрагивались в исследованиях, посвященных другим проблемам: в рамках влияния Первой мировой войны на состояние сельского хозяйства, развития аграрных отношений и расслоения крестьянства, борьбы за власть Советов и т.д. (Л. И. Легошин [10], В. В. Адамов [1], Р. К. Валеев [4] и др.). В последние десятилетия «бунтов» касались исследователи тем продовольственной политики и ее реализации на местах (Л. В. Булатова [2]), социальной политики и ее реализации (О. А. Рослякова [17]). Упоминались они в ряде наших работ, касавшихся крестьянского движения, событий кануна революции 1917 года [19, 20]. Мы познакомились с материалами об оренбургских событиях в 1990 году в Государственном архиве Оренбургской области и уже тогда обнаружили ощутимые расхождения в фактах. Любопытно, что статья на эту тему в молодежной газете, закрывавшей по тогдашней моде «белые пятна истории», при подготовке к публикации обрела броский заголовок, неожиданно, но метко высветивший самую суть происходящих событий, — «Неудовольствие на недостаток нужных сортов рыбы» [18].

Приходится констатировать, что «оренбургские» страницы «голодных бунтов» существенно расходятся и с традиционными советскими, и с современными оценками и суждениями. Мы не беремся судить по выводам, сделанным применительно к центру и столицам, но Ю. В. Кирьянов, например, безоговорочно включал в общую схему информацию из Оренбургской губернии. Так, например, в таблице «Поводы выступлений рабочих (или членов их семей) на почве дороговизны» в колонке «Название предметов первой необходимости, отсутствие или дороговизна которых привели к выступлению», применительно к Оренбургу отмечено — «мука, другие продукты» [9, с. 11]. Между тем факты данного момента не подтверждают.

Проблема подорожания предметов первой необходимости и продуктов в стране, несомненно, была. И Оренбуржье не исключение. Так, и.о. губернатора 4 февраля 1916 г. ставил перед начальником ГЖУ задачу, во исполнение воли Г. И., «решительной и планомерной борьбы с возрастающими в стране... взвинчиванием цен на продукты первой необходимости» [8, л. 7]. Но чтобы понять, насколько остро она стояла применительно к данному конкретному региону, следует обратиться к первичным источникам, отложившимся в областном архиве, поскольку вторичные, находящиеся сегодня в ГАРФе и РГИА, безусловно, теряли массу деталей, становясь суше и короче.

Все говорит в пользу того, что «голодные бунты» пришли в Оренбуржье как бы по цепочке, точнее — по Ташкентской железной дороге. Ранее они имели место в Ташкенте и Перовске. Первый конфликт в пределах края произошел 21.3.1916 г. в Акбулаке (в 60 верстах от Оренбурга): в базарный день толпа, сбив замки, бросилась громить и гра-

бить магазин торгового дома бр. Каргиных. По свидетельству жандармов, причина — дороговизна: Каргин «отпускал сахар по 2 фунта и только вместе с чаем». На первый взгляд, все сходится: мотив налицо — нехватка сахара. Но толпа бросается далее... на магазин обуви торгового дома «Незванова, Приятника и К^о», что никак не стыкуется с проблемой голода. Были зафиксированы вопли женщин: «громите их, тащите, кто что сможет», «вот у меня есть на это разрешение пристава». 22-го в поселок прибыли помощник уездного начальника и трое стражников; прошли обыски, часть имущества была возвращена, арестованы трое жителей, три женщины и один ссыльный. Убыток составил около 40 тыс. руб. [8, л. 37—37 об.]. В донесении отмечалось, что «в народе говорят, что были агитаторы из Ташкента — мужчины в женском платье».

22 марта были разбиты 2 магазина в пос. Созденском Актюбинского уезда Тургайской области, территориально подчиненной Оренбургу. Данных о принятых мерах нет.

Позднее поступила информация о возможности подобных эксцессов в Илецкой Защите — безуездном городке в направлении Оренбурга. Погром готовился заранее: из соседней д. Саратовки (5—7 верст) с раннего утра потянулись солдаты и крестьяне, которые «шли, имея при себе порожние мешки», к магазину бр. Каргиных [6, л. 61 об.]. Люди останавливались около магазинов, затем расходились и вновь ожидали неподалеку. Примерно в 9—10 утра была предпринята попытка проникнуть в магазин. Стражник объявил, что собираться не разрешается — в ответ ему было заявлено: «Уезжай, дармоед, все одно ничего не сделаете, а мы будем громить лавки торговцев». Некий Севастьянов призывал схватить стражника: «там на войне солдаты кровь проливают, а тут он солдаток давит». По сигналу чиновника все магазины были моментально закрыты. Уездный исправник сообщал, что он пригласил трех солдаток указать хотя бы единичный случай повышения цен — они отказались, сказав, что у Каргиных даже дешевле, чем в Оренбурге (!). Среди солдаток был пущен слух, что полагающееся им пособие правительство якобы израсходовало на беженцев. Исправник заключал, что солдатки «определенным трудом, по-видимому, совершенно не занимаются и почти ежедневно без всякого повода собираются группами, осаждают городского старосту просьбами о выдаче им всевозможных пособий». Слух этот пришел из Ташкента — якобы тамошним солдаткам за подобное ничего не было, а погром даже поощрялся властями. Вообще в Илецкой Защите зафиксировано значительное количество разнообразных слухов: что «царь желает мира, да купцы не велят, ибо купцам война выгодна», что «наследница» Татьяна Николаевна «с целью ускорения заключения мира и наказания купцов» посылает «посланцев» по России устраивать «забастовки солдаток» и отбирать товар: «У посланцев увешаны груди крестами для того, чтобы начальство не могло их расстреливать». При этом оговаривалось, что наказаний за содеянное не будет, но все должно продолжаться не дольше трех дней. Также утверждалось, что княжна Ольга Николаевна якобы сама ездит по городам, приценивается, была в Илецкой Защите, нашла, что торгуют дорого, и приказала собираться «миром» и устроить забастовки, почему и был назначен день 24-е. И еще достаточно традиционно объяснялось, что стражники подкуплены торговцами [6, л. 62]. Из Оренбурга вскоре прибыли 28 человек казаков при одном офицере. Арестованы 5 мужчин, 3 женщины.

28 марта в с. Покровка Оренбургского уезда зазвучали угрозы торговцам — «надо вас бить» [7, л. 15].

3 апреля в Оренбурге две объявившие себя солдатками женщины — Уракина и Комарова — призывали толпу к погрому, «выражая неудовольствие на недостаток нужных им сортов рыбы и на дороговизну». Они стали подстрекать толпу к личной проверке запасов рыбы в помещениях торговцев и к разгрому лавок, говоря: «Наши мужья на войне проли-

вают кровь, а нас здесь торговцы грабят». Толпа вломилась в магазины Бабошкина и Алматовой, торговцев ругали, бросали в них рыбой; в итоге растащили около пуда — ущерб составил у Бабошкина до 5 руб., Алматовой — 1,5 руб. Следствие показало, что подстрекательницы не являлись солдатками, были осуждены на месяц тюрьмы [8, л. 48—48 об.].

23 апреля 1916 г. в Оренбурге толпа, возглавляемая дворянкой А. Гасман, у прибывшей на базар с молоком мещанки Сомовой растащила 8 четвертей, заподозрив, что оно привезено для спекуляции. Позднее выяснилось, что молоко предназначалось для лазаретов. Вернули пять четвертей, остальные исчезли [6, л. 64 об.].

2 мая произошел самый «громкий» «голодный бунт» в Оренбурге — именно донесения по данному случаю в МВД цитировались Ю. В. Кирьяновым.

В 10 часов утра у городской управы собрались солдатки, требуя выдачи «пудовичка» — пуда белой муки, выдаваемого по инициативе городской Думы солдаткам бесплатно с начала войны ежемесячно 5-го числа. Поскольку белой муки в городе в этот момент не хватало, то заранее было сделано объявление, что выдача временно приостанавливается. Тогда собравшиеся стали требовать казенного ржаного хлеба, выдача которого производилась 3-го числа. Им было объявлено, что эта выдача произойдет в назначенное время, т.е. завтра. Но толпа стала требовать именно сегодня — и более 60 человек бросились растаскивать муку из мучных лавок Брагина. По докладу унтер-офицера Громова, лавку разнесли в 5 минут, растащили около 30 пудов [8, л. 87]. Прочие лавки стали закрываться одна за другой. Тогда толпа пошла на Хлебную площадь к магазину Юрова, откуда унесли несколько мешков. Из этой лавки погромщиков удалось выгнать при помощи полиции. Вице-губернатор В. Г. Пушкин около часа убеждал толпу, но без особого результата — напротив, люди все прибывали, и наконец, толпа перекинулась на так называемый Толкучий рынок. Казачий отряд оттуда был вытеснен, вслед казакам полетели камни. Камни полетели и в окна магазина Смочилина, затем был взломан магазин Ишкова. Толпу пытался увещевать прокурор, но без особого успеха — толпа достигла 3 тыс. человек. Полиция и казаки бездействовали.

Около 3 часов дня толпа в несколько тысяч человек неожиданно двинулась по центральным улицам города — Николаевской и Гостинодворской, где разгромила все «лучшие магазины». Всего таковых оказалось 29: 3 часовых магазина, 3 аптекарских, 4 мануфактурных, 2 табачных, обуви и головных уборов, магазин пуховых платков, 2 галантерейных, 3 готовой обуви, мебельный, фуражный, игрушек, галантерейный и готового платья и обуви, готового платья, конфетной фабрики, часов и золотых и серебряных изделий — и только два магазина хоть как-то попадали под логику «голодного» протеста — гастрономия и бакалея и вино-бакалея. Существуют свидетельства относительно того, что, например, солдатка Дурнева палкой разбила витрину часовых магазинов и магазина пуховых платков. Толпа с криком «ура» бросилась их грабить. В галантерейных магазинах выбрасывали вещи со второго этажа, все тут же уносилось находившимися внизу. Женщины палками били окна и витрины, после чего имущество расхищалось, в подолы юбок складывали ворованное. Кассы оказались везде взломанными. В обувном магазине позднее были обнаружены груды старой обуви, оставшейся после того, как погромщики поменяли ее на новую, — среди старья обнаружена была обувь беженцев, а также солдатская [12]. В бакалее Ишкова «голодающие» разбивали коробки с консервами, шпроты и сардины катились по мостовой, монпасье валялось в пыли [13]. Тащили все, что было возможно: среди прочих была задержана женщина, тащившая десяток зонтиков, ящик пуговиц, несколько пачек шнурков, венский стул. Но были и те, кто подъезжал к магазинам с возами [8, л. 110].

Привлеченные к наведению порядка казаки вмешиваться отказались, проявив неповиновение вице-губернатору. Обратим на это особое внимание, поскольку, например, упомянутый ранее С. А. Нефедов упоминал данный момент как первое (!) свидетельство качественных изменений в сознании казаков, своим неповиновением как бы занявших сторону протестующих: «Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывали сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2—3 мая 1916 г. в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным...» [11].

Относительно того, из-за чего возникло неповиновение, в документах есть осязаемое расхождение. Согласно донесению, отложившемуся в ГАРФ (вторичный источник) и цитируемому Ю. В. Кирьяновым: «Сюда прибыла запасная казачья полусотня, командиру которой управляющий губернией ввиду невозможности прекратить беспорядки мерами полиции «дал указание приступить [к] действию оружием, разъяснив при этом нежелательность, по возможности, употреблять огнестрельное оружие, так как в толпе было много женщин, детей». Но офицер вступил с управляющим губернией в пререкания, «отказываясь действовать нагайками, холодным оружием, находя необходимой стрельбу и требуя... письменного распоряжения» [9, с. 14]. В первичной документации изложение иное: «На его требование [вице-губернатора] разогнать нагайками старший сотни в резком тоне отказался», но предложил, что «если управляющий губернией берет на себя ответственность, то [он] сразу начнет действовать огнестрельным оружием» [8, л. 92 об.].

Казаки не только не стали вмешиваться, но частично участвовали в погромах. Есть свидетельство, что взвод казаков просто стоял и смотрел на грабеж, а один из них даже побывал в часовом магазине, причем прочие ему кричали: «А ты мне захвати часы» [8, л. 89 об.].

Ситуацию в итоге спасли солдаты — около 4 часов дня в город вошли срочно вызванные из лагерей части 105-го пехотного запасного полка, давшие 10 выстрелов в воздух для устрашения. Центральные улицы были перекрыты солдатами, и затем они методично, квартал за кварталом, стали продвигаться, задерживая всех имевших признаки участия в погромах и грабежах. По разным свидетельствам, порядок был восстановлен или к 6 или 8 часам вечера.

Если говорить о последствиях, то ущерб составил 852 915 руб.: галантерея Бутума — до 60 тыс., магазин готового платья Леск — до 150 тыс., магазин часов и золотых изделий Вольфсон до 40 тыс., магазин готовой обуви Гершенгорина — до 12 тыс. и т.д. [6, л. 76]. Погибли двое — казак и человек из толпы, ранены 6 человек — прокурор, заместитель прокурора, прапорщик, городской, двое рядовых [14]. По погрому арестовано с награбленным товаром 188 человек, около 80-ти из них — женщины и дети, много учащих и чиновников. В газете «Оренбургское слово» 4 мая поместили специальное обращение «Рабочие — гражданам», где объявлялось, что рабочие в случившемся совершенно не при чем [15].

Отметим еще одно несоответствие. По свидетельству Ю. В. Кирьянова (со ссылкой на фонд ГАРФ): «В телеграмме управляющего губернией по поводу событий в Оренбурге 2 мая 1916 г. читаем: «Сделано распоряжение [о] воспрещении собираться на улицах группами более 3-х человек, выходить из квартир после 9 часов вечера без особого пропуска... Казенные, кредитные и общественного пользования учреждения охраняются войсками. Торговля денатурированным спиртом воспрещается». Между тем в местных документах за подписью генерал-майора Бабича говорилось только о запрете собираться в группы на улице и запрете после 9 часов вечера появляться на улицах учащимся сред-

них учебных заведений [8, л. 95]. Он же констатировал, что в случившемся нет «никакой политики».

Тем не менее 3 мая погромы в Оренбурге продолжились — пострадали магазин Аблязина и кондитерская фабрика Абрякина.

24 мая в Троицке, уездном центре губернии, пострадал магазин Аушевых. Владелец стал выносить мешки сахара со склада, какая-то женщина стала требовать продать ей сахар немедленно. Продавец сказал прийти к 2 часам, пообещав продавать до 5 фунтов в одни руки. Но собралась толпа, одна женщина толкнула его, какой-то мужчина ударил в спину. Раздались крики: «Начальство — мошенники!». Доверенный магазина Тарасов попытался вызвать по телефону полицию. Трое крестьян кричали, что «все равно сахар пойдет в Германию». Пришлось начать продажу. Прибывшая полиция задержала троих, причем одна кричала, чтобы толпа ее защитила, — мещанка 24 лет, также задержана была казачка 53 лет и крестьянин Челябинского уезда [8, л. 166 об.].

10 июня в Троицке в бакалейном магазине Дюзеева две женщины и мужчина не смогли купить сахару. Вышли, ругаясь, причем одна заявила: «Погодите! Берегитесь! Завтра же разобьем ваш магазин!». Следствие показало, что это была казачка Березинской станицы, известная тем, что изготовляла и продавала кислушку. Вторая была крестьянка с Кыштымского завода, мужчина — казак [8, л. 167—167 об.].

5 июля был зафиксирован слух в Белорецком заводе о возможном погроме в заводе магазина Бисярина — из-за новых цен [8, л. 177].

11 июля эксцессы произошли на Айдырлинских приисках Кваркенской станицы Оренбургского уезда, в день выдачи казенного пособия солдаткам. Торговцы обратились к уряднику по причине распространившегося слуха о готовности женщин провести погром и что среди них будут мужчины в женском платье. Исправник пошел проверить и обнаружил, что женщины собираются группами по 5 человек. Когда толпа достигла 150—200 человек, она двинулась к лавке Карповой с криками «Бей ее, не давай запира-ть лавку, кончать надо все». Женщины, сквернословя, рвали Карпову, тащили в толпу [8, л. 261]. Возглавлявшая толпу Матрона Коршенкова заявила уряднику, что «в Оренбурге много поразбили магазинов, и то ничего не было». Уговоры не подействовали; порядок был восстановлен после того, как казаки обнажили шашки [8, л. 262].

7 августа в пос. Крутоярском Березовской станицы жены служилых казаков в магазине Закира Абдрашитова услышали, что сахару нет, и собрались обыскивать магазин. На шум явился поселковый атаман и, выгнав всех, сам закрыл магазин. Тогда женщины начали громить ворота дома торговца. Атаман пришел с 5 казаками и потребовал разойтись. Женщины окружили его, он обнажил шашку с угрозой, что будет рубить, если не оставят его в покое. Тут вмешались до того момента пассивные казаки, заявив, что он «не смеет, тем более армеек». Атаману пришлось удалиться, и тогда поощряемые мужьями бабы стали взламывать замки лавки камнями, палками, ломami. Казак Галкин нанес побои владельцу. Последний из своих запасов отдал 1½ головки сахара и немного песку бесплатно, затем по требованию толпы раздал конфеты. Казалось бы, стороны умиrotворены, но... с криком «ура» собравшиеся набросились на мануфактурный товар. Ущерб составил более 17 тыс. руб. Часть украденного была потом отобрана, часть подкинута, обыск позволил обнаружить даже спрятанное в воде. Арестовано было восемь женщин, трое мужчин, в том числе Галкин, как оказалось временно прибывший из армии [8, л. 196 об. — 197].

Собственно, на этом акции, попадающие под категорию «голодных бунтов» («забастовок солдаток»), в пределах Оренбургского края кончились. Внятного ответа — почему

кончились — никто не дает. По логике вещей продовольственное положение становилось только хуже — следовательно, они, напротив, должны были усиливаться.

Кажущаяся очевидной цепочка волнений ставится под сомнение фактами более раннего времени: так, еще в сентябре 1915 г. Челябинский уездный исправник сообщал губернатору о том, что, по словам солдаток, скоро «будет произведен расчет» [6, л. 90]. Другой факт: Оренбургский полицмейстер 18 марта 1916 г. сообщал, что из-за праздновавшихся нижних чинов 16-го на улице возникла драка, собравшая большую толпу. Звучали крики «Стаскивай городовых с лошадей!», подстрекательства к разгрому (!) [8, л. 42—42 об.].

Мы полагаем, что «оренбургские» события не исчерпывались исключительно «голодными мотивами» — скорее речь должна идти об актах неповиновения, уменьшения страха перед властями. Нечто подобное уже наблюдалось в период первой революции, когда в 1906 году крестьяне вдруг стали активно вспоминать «обиды» и «несправедливости» периода заключения уставных грамот и декларировать намерение таковые исправить. Подтолкнули их к этому общая нестабильность в стране, распространяющиеся слухи, речи агитаторов — все это создало определенное настроение: вероятно, крестьяне почувствовали какую-то заминку в действиях власти и это вселило в них уверенность, что теперь можно начать требовать своего. При этом в действиях крестьян была видна определенная осторожность — неопределенность ситуации вселяла некоторую неуверенность, почему крестьяне оставляли себе возможности для некоторого маневра. Так, касательно имений они чаще всего заявляли свои «намерения» разгромить их, ограничиваясь угрозами: например, депутаты от крестьян с Николаевки Троицкого уезда пришли к управляющему имением с предупреждением, что скоро будет погром и потому предложили «уехать добровольно» [5, л. 20, 21]. Чем больше уступок удавалось добиться от помещиков и властей, тем более наступательными становились крестьяне. Как только власти начали оказывать противодействие, крестьяне тут же уступили: произошел резкий спад претензий на землю [21, с. 32—33].

Вероятно, и в отношении 1916 года возможно говорить о мерах, принятых властями. Так, 21 октября в Оренбурге прошел очередной слух, что муки не будет. В лавке Брагина было продано более 500 пудов муки, что хватило примерно на 300 человек, не хватило человекам 30-ти. Находившийся тут же пристав сам провел недовольных в магазин — показал, что муки действительно нет, после чего толпа разошлась [8, л. 239 об. — 240].

Достаточно распространена сегодня точка зрения, высказанная В. Булдаковым, относительно волны акций «разгромного и “воровского” характера» в 1917 году [3, с. 106]. На наш взгляд, в 1916 году наблюдалось как раз начало этой «волны».

Список использованных источников

1. Адамов В. В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967.
2. Булатова Л. В. Продовольственная политика царского и временного правительств и ее реализация на Южном Урале в годы первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2002.
3. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997.
4. Валеев Р. К. Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 г. Казань, 1979.
5. Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 248/1.
6. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 450.
7. ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3082.
8. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 607.
9. Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3—18.

10. Легошин Л. И. Влияние первой мировой войны на расслоение уральского крестьянства // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале : материалы науч. конф. Свердловск, 1963.
11. Нефедов С. А. Февраль 1917 года: неизбежность революции // Февральская революция 1917 года в России: история и современность : сб. науч. статей по материалам регионального науч. семинара (Екатеринбург, 2 марта 2007 г.). Екатеринбург, 2007. С. 54—60.
12. Оренбургская жизнь. 1916. 11 мая.
13. Оренбургская жизнь. 1916. 5 мая.
14. Оренбургская жизнь. 1916. 8 мая.
15. Оренбургское слово. 1916. 4 мая.
16. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1973.
17. Рослякова О. А. Деятельность органов социального обеспечения Южного Урала по реализации социальной политики правительства с октября 1917 года по май 1941 года : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2006.
18. Сафонов Д. А. Голодные бунты в Оренбурге: «Неудовольствие на недостаток нужных сортов рыбы» // Новое поколение. 1990. 10 нояб.
19. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале 1855—1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1999.
20. Сафонов Д. А. Крестьянство Южного Урала в условиях безвластия (1917 год) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1999. № 2 (12). С. 57—94.
21. Сафонов Д. А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций: на материалах Южного Урала. 1855—1922. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Поступила в редакцию 13.03.2014 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 94(470.56).083

D. A. Safonov

“Food riots” of 1916 as a sign of national crisis: “Orenburg” interpretation

The so called “food riots” of 1916 in the traditional national historiography are traditionally considered to be a form of a protest, reflection of power crisis and growth of revolutionary activity. Such events in the Orenburg province were viewed just the same. Using primary sources, the author doubts the traditional assessment, concluding that the basis of what was happening was not only a social protest, but the collapse of law, order and respect for the authority. All that affected the bitterness of the civil war in the region.

Key words: social protest, primary sources, power, law and order.

Safonov Dmitriy Anatolievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University,
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru